

*доцент кафедры регионоведения факультета международных отношений
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского*

События 2007-2008 гг., связанные с провозглашением независимости Косова, осложнением ситуации в Бельгии, всплеском этнонационалистических настроений в испанской части Страны Басков, а также конфликтами с участием Абхазии и Южной Осетии в очередной раз наглядно показали, что мечтам обществоведов либеральной ориентации, считавших «отмирание» феномена этничности практически неизбежным, не суждено сбыться. Этнический фактор всерьез и надолго вернулся в мировую политику, поставив под угрозу (по крайней мере, на некоторое время) стабильность политического пространства и легитимность границ не только стран «третьего мира», часто именуемых «неудавшимися государствами» (failed states), но и благополучных, казалось бы, государств Европы.

С одной стороны, несомненно, что усиление роли этнического фактора во внутригосударственных и международно-политических процессах неизбежно является следствием эрозии Потсдамской системы мироустройства, гарантировавшей неприкосновенность границ, установленных по итогам Второй мировой войны. С другой стороны, внимательное исследование европейской истории позволяет предположить, что этнический сепаратизм, поддерживаемый самыми разными факторами, можно назвать одной из европейских политических традиций.

Известный швейцарский ученый Урс Альтерматт в своей работе «Этнонационализм в Европе» говорит о том, что «этнонационализм – европейское зло». Пожалуй, с этим можно согласиться, как минимум, по двум основным причинам.

Первая причина заключается в том, что именно регион Европы является «родиной» феномена национального государства, обладающего суверенитетом и международно признанными границами, которые практически никогда не совпадали (и до сих пор не совпадают) с границами ареалов обитания этнических групп. Практически в каждом

государстве сложилась этнополитическая система, создающая благоприятные условия для воспроизводства и развития культуры какого-либо одного этноса в полиэтничном государстве путем проведения дискриминационной языковой политики и целенаправленного предоставления ему более высоких статусных позиций в системе межэтнических коммуникаций. При этом, несмотря на то, что «национальное государство проявляет мало толерантности по отношению к народностям, говорящим на других языках, и воспринимает их в этом случае только как национальные меньшинства, хотя они могут обосновать свои исторические права и претендовать на общие территории», в европейских странах не сложилась эффективная система сдерживания роста амбиций той или иной этнической группы, выражающаяся (как, скажем, на Ближнем Востоке) в предоставлении этническим меньшинствам и диаспоральным сообществам более или менее четко определенной функциональной ниши в обществе, определяющей статус ее представителей в этносоциальной стратификации и объем ресурсов, находящихся в распоряжении этнополитических элит и привлекаемых для достижения каких-либо социально-значимых целей.

Другими словами, дискриминация со стороны доминирующего этноса не исключает, а скорее подразумевает рост этнического самосознания меньшинств и в сложившихся этнополитических системах стимулирует стремление к самоопределению, к приведению в соответствие границ этнического и политического пространств, что само по себе практически недостижимо. Ситуация усугубляется тем, что сам феномен этнополитического самоопределения, сама его идея, появились опять-таки в Европе, «захватив» значительную часть общественного мнения, в том числе – представителей политических элит. Здесь же необходимо отметить, что стремление к самоопределению характерно не только и не столько для дискриминируемых, угнетенных этносов, сколько для этносов высокостатусных, имеющих все возможности для воспроизводства своей культуры, обладающих всеми необходимыми институциональными, экономическими и интеллектуальными ресурсами для успешного развития и политической активности. Примером этого могут служить баски в Испании, фламандцы в Бельгии, венгры в Словакии – обладающие развитой партийной системой, входящие в руководство соответствующих государств и т.д.

Ситуация, как это ни странно, усугубляется активными интеграционными процессами: членом Европейского Союза, способным пользоваться всеми благами интеграции, может быть только суверенное государство, что, естественно, стимулирует сепаратистские настроения.

Вторая причина, связанная с первой, заключается в том, что большинство европейских стран является ареной латентных и/или актуализированных этнических конфликтов, участники которых во многих случаях стремятся, или, по крайней мере, декларируют

стремление к сецессии. Конфликты такого рода присутствуют в Испании (баски, в меньшей степени каталонцы и галиссийцы), Франции (корсиканцы и баски), Нидерландах (фризы), Бельгии (конфликт между валлонами и фламандцами), Румынии и Словакии (венгры), Сербии (албанцы), Хорватии, Боснии и Герцеговине, Великобритании и т.д. Несмотря на то, что некоторые из перечисленных государств выработали более-менее эффективные механизмы сдерживания межэтнических противоречий, их нельзя назвать панацеей от этнополитической дестабилизации, опять-таки из-за стремления этносов к достижению и удержанию государственности.

Одним из наиболее ярких, на наш взгляд, примеров кризиса современной европейской государственности может считаться Испания, основной «головной болью» которой является проблема басков. Суть данной проблемы, заключается в стремлении определенных социальных сил – представителей баскской этнической группы – к отделению Страны Басков от Испании и в перспективе от Франции, что повлечет за собой создание собственного государственного образования, доминирующие позиции в котором будут принадлежать баскам. Высокий потенциал развития настроений такого рода предопределяется тем, что они имеют достаточно широкую поддержку со стороны молодежи, принадлежащей к самым различным социальным слоям, а также со стороны достаточно значительного количества представителей политической элиты Басконии. Стремление существенной части политических сил к повышению статуса басков в системе межэтнических коммуникаций выливается зачастую в крайние формы, связанные в частности с терроризмом, олицетворением которого является организация ЭТА. По мнению значительной части экспертов, активность членов ЭТА серьезно дестабилизирует внутривнутриполитическую ситуацию в Испании, способна негативно воздействовать на политический климат на юге Франции и в европейском регионе в целом, препятствуя в том числе развитию политических инструментов взаимодействия между этническими меньшинствами и государственными институтами в Европе.

Кризис испанской государственности как результат воздействия фактора этнического сепаратизма выражается не только масштабах действий террористов. Представители умеренных политических кругов Страны Басков разработали ряд ненасильственных вариантов решения баскской проблемы, которые также способны привести к осложнению ситуации в регионе и дальнейшей эскалации конфликта между басками и официальным Мадридом. Одним из таких проектов является создание баскской автономии в рамках Евросоюза, подразумевающая расширение полномочий руководства Страны Басков в международно-политической сфере и интенсификацию трансграничных связей между испанской и французской частями Басконии, что самым серьезным образом воздействует на территориальную целостность Испании.

В этих условиях для сохранения территориальной целостности государства руководство

Испании разработало и реализовало ряд мер, которые, несмотря на кажущуюся конструктивность, еще более подчеркивают глубину кризиса. Для устранения конфликтности в межэтнических отношениях испанская элита наращивает процессы децентрализации государства и предоставляет автономный статус национальным территориям. Такое государственное устройство не противоречит идее общегосударственной идентичности в условиях, когда государство обеспечивает (в том числе на законодательном уровне) свободное развитие специфических и этнокультурных характеристик, выступая гарантом автономного статуса национальных территорий в рамках единого политического пространства.

Ослабление партикуляристских настроений испанских басков и укрепление их гражданской идентичности обеспечиваются не только на правовом, но и на институциональном уровне. В Испании отсутствует механизм ведения многосторонних переговоров между центром и регионами по поводу разграничения полномочий. Вместо него в этой стране разработан механизм двустороннего взаимодействия, где ведущими участниками переговоров выступают со стороны региона – представители правительства автономии, а со стороны Мадрида – министерство по делам общественных администраций, что позволяет в ходе диалога ставить и обсуждать конкретные вопросы экономического, политического или культурного развития и минимизировать воздействие националистических деклараций на общественное мнение как в рамках национальных территорий (в том числе в Стране Басков), так и в Испании в целом. Поддержание гражданской идентичности басков осуществляется также на уровне ведущих политических партий страны, которые неоднократно предпринимали попытки основания широких коалиций, способных в рамках правового государства оказать позитивное политическое противодействие баскскому сепаратизму, в том числе в его крайних проявлениях.

Таким образом, в период последней четверти XX – начала XXI вв. испанское общество выработало, казалось бы, относительно эффективные механизмы сохранения гражданской идентичности басков. Однако относительность этой эффективности находит подтверждение как в сохранении сепаратистскими лозунгами своей популярности в молодежной среде, так и в сохраняющихся требованиях политической элиты Страны Басков относительно расширения полномочий данного региона в сфере международных связей, что вызывает раздражение и протесты официального Мадрида.

Другим примером сепаратистских движений в Европе можно считать ситуацию в Бельгии, возникшую в результате серьезных противоречий между валлонами и фламандцами, оформившимися еще в середине XIX столетия. Фламандское национальное движение возникло как реакция на доминирование франкофонной валлонской буржуазии в 1840 г. Такое противостояние длилось несколько десятков лет,

переживая моменты актуализации и возвращения в латентное состояние. Первоначально оно было направлено на достижение культурно-языкового равенства, однако впоследствии движение приобрело экономические и политические характеристики, выразившиеся в укреплении материального благосостояния фламандской элиты по сравнению с элитой валлонской и последовавшем за этим стремлением Фландрии к отделению. В конце XX в. для решения проблемы валлоно-фламандских противоречий был разработан достаточно интересный механизм, сочетающий в себе позитивные исторические традиции межэтнических коммуникаций в стране и новаторский подход к реформированию государственных структур.

В результате реформирования бельгийской политической системы в рамках страны были сформированы два типа субъектов федерации – культурные сообщества (фламандское, валлонское и немецкое) и экономические регионы (Фландрия, Валлония и Брюссель). При этом, административно-территориальные субъекты получили достаточно большую степень автономии. Таким образом, было сформировано федеративное государство, состоящее из коммун и регионов, в условиях которого важнейшее место в региональной политической жизни заняли общинные ассамблеи (советы), обеспечивающие сохранение культурного многообразия при одновременном развитии демократических процедур и социально-экономической сферы. В рамках новой федерации существенная роль отводилась политическим партиям, которые в сотрудничестве с общественными организациями формировали общественное мнение, сохраняя межэтнические коммуникации в русле конструктивного сотрудничества.

Опыт Бельгии также продемонстрировал, что централизованная политика государства не является основным механизмом разрешения межэтнических противоречий, более того, децентрализованная модель взаимодействия между различными этносами при активном участии местных властей и институтов гражданского общества является достаточно эффективной, т.к. позволяет наиболее полно удовлетворить интересы той или иной этнической группы. Результат реформ вселил оптимизм в сердца представителей бельгийского руководства. Показательным в данном случае может считаться выступление премьер-министра Бельгии, который 26 октября 1994 г. в Париже заявил, что «в соответствии с конституционной реформой в Бельгии значительные полномочия были переданы коммуна и регионам, а по Маастрихтскому соглашению эти полномочия были признаны на европейском уровне. Но поскольку суть этих полномочий заключается прежде всего в субсидиарности, то сегодня стало возможным обеспечить многообразие, не допустив дезинтеграции, и достигнуть единства, не прибегая к централизации».

Как показали события 2008 года, такой оптимизм оказался преждевременным. Федерализация некогда унитарной Бельгии имела кратковременный эффект с точки

зрения урегулирования межэтнических противоречий. В начале XXI в. фламандская элита на фоне экономического подъема Фландрии неоднократно заявляла о своих сомнениях относительно справедливости распределения бюджетных средств между регионами и, образно говоря, выразила свое нежелание «кормить» валлонов. Кульминации противоречия достигли в августе 2008 г., когда бельгийское общественное мнение всерьез обсуждало вопрос о том, что на олимпиаде в Пекине Бельгия должна быть представлена двумя командами – фламандской и валлонской. «Мягкий» вариант урегулирования межэтнического конфликта, таким образом, не привел к ликвидации сепаратистских тенденций.

Еще одним сценарием развития этнического сепаратизма в Европе можно считать сепаратизм венгров, разделенных по итогам двух мировых войн между несколькими государствами Центральной и Восточной Европы. Политика современного венгерского руководства до и после Второй мировой войны была направлена на воссоединение представителей данного этноса и осуществлялась, в том числе, посредством стимулирования венгерских сепаратистских движений в соседних странах. Основываясь на имеющихся у нас данных, можно предположить, что в настоящее время, по мнению самой венгерской элиты, проблема венгров наиболее остро стоит в Словакии, Румынии и на территории бывшей Югославии. Суть политики Будапешта состоит в создании условий для социальной адаптации, достижения этническими венграми достойного уровня жизни в тех государствах, гражданами которых они являются. Такие меры могли бы выдвинуть Венгрию в разряд своеобразного центра регионального притяжения, тем более, что амбиций подобного рода Будапешт никогда и не скрывал. Решение проблемы соотечественников возведено в ранг общегосударственных политических приоритетов — работа ведется на международных форумах, по каналам двусторонних отношений с соседями, а также организациями зарубежных венгров.

Одной из главных своих целей Будапешт считал и до сих пор считает обеспечение комфортного для венгров международно-правового климата, с системой соответствующих гарантий и обязательств со стороны влиятельных мировых держав и международного сообщества в целом. Наиболее эффективным способом обеспечения прав этнических меньшинств в Будапеште считают предоставление им различных форм автономии.

В 1992 г. совместно с югославскими венграми была разработана концепция трехступенчатой автономии для Воеводины, которую затем Будапешт пытался пустить в оборот и на международных форумах.

Воеводинская модель состоит из трех звеньев:

1. Персональная культурная автономия для любого представителя нацменьшинства вне зависимости от места проживания.
2. Введение самоуправления нацменьшинства по ряду вопросов в населенных пунктах, где его представители составляют большинство населения.
3. Создание автономного округа там, где этническое меньшинство является преобладающим. В этом случае население округа могло бы избирать сроком на 4 года свой представительный орган с компетенцией организации экономической и социальной сфер, правосудия, охраны порядка, образования и информации.

Такой проект, несмотря на свою видимую мягкость и сбалансированность, чреват активизацией сепаратистских настроений в среде венгров, проживающих за пределами Венгрии, в силу того, что автономия предоставит им необходимые экономические и организационные ресурсы для консолидации и создания соответствующих институтов, способных возглавить борьбу за сецессию. Другими словами, меры, направленные на ослабление противоречий и профилактику конфликта, способны в перспективе стимулировать сепаратистские настроения.

Таким образом, целый ряд стран Европы нестабилен в этнополитическом плане. Меры, принимаемые руководством соответствующих государств, для регулирования межэтнических коммуникаций и профилактики сепаратизма носят лишь временный характер, а механизмы урегулирования межэтнических противоречий, несмотря на их продуманность и адаптированность к условиям той или иной конкретной страны, способствуют не ликвидации их, а лишь временному «уходу» в латентное состояние. Почему? Представляется, что такая ситуация стала закономерным результатом исторического развития европейских государств, границы которых стабильны только за счет международных гарантий, которые, как показывает исторический опыт, зависят от позиций великих держав. Данный тезис подтверждается тем, что большинство европейских государств являются своеобразными конструктами, созданными по воле доминирующих государств. Так, по воле держав-победительниц в Первой и Второй мировых войнах были созданы Чехословакия (позднее разделившаяся на Чехию и Словакию), Югославия (распавшаяся в конце XX века), Венгрия и др. Такие страны, как Албания и Бельгия также были созданы в результате политики великих держав.

В настоящее время такая ситуация сохраняется. США и Европейский Союз, по сути, проводят политику практически свободного перекраивания государственных границ, исходя из своих политических интересов и амбиций, примером чего является развал Югославии, война против Сербии в 1999 г. и провозглашение независимости Косова в 2007 году. Такая политика представляется не до конца продуманной, т.к. неизбежно стимулирует рост сепаратистских настроений в странах Западной Европы. Опыт Бельгии и Испании свидетельствует о том, что конфликтующие стороны, механизмы развития конфликтов способны адаптироваться к изменениям политических условий и действовать в новой политической реальности, обусловленной попытками руководства соответствующих государств урегулировать конфликт путем повышения статусных позиций меньшинств и децентрализации системы управления. В этих условиях распад государств Западной Европы по этническому принципу и вызванная им дестабилизация Евросоюза выглядят вполне реальными.